

**ОСОБЕННОСТИ ДЕЙСТВИЯ ОБЫЧАЕВ СРЕДИ КОРЕННЫХ
НАРОДОВ СИБИРИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**© 2008 г. В. В. Наумкина¹

В XIX в. обычаи занимали значительное место в регулировании семейных, имущественных и иных общественных отношений коренных народов Сибири. Политика Российского государства допускала использование обычаев, за исключением тех, которые противоречили законодательству империи. Фактически отследить соответствие обычаев различных народов законодательству Российской империи было нереально, хотя такие попытки предпринимались неоднократно. Национальные группы, как правило, вели замкнутый образ жизни, поэтому о существовании многих обычаев властям было неизвестно. Анализ развития российского законодательства в области регулирования общественных отношений среди коренных народов Сибири показывает, что государство преимущественно регулировало те сферы, которые представляли интерес для Российской империи, например налогообложение.

Обычаи имели неодинаковое распространение среди различных категорий населения. Обычаи продолжали действовать в крестьянских общинах и у коренных народов с традиционным образом жизни, так как особенности образа жизни позволяли обеспечить общеизвестность обычаев и сохранить консервативный характер отношений. Кочевые народы Сибири сберегли родовой принцип управления и тесные родовые связи. Низкий уровень миграции превратил общины и национальные улусы в замкнутые саморегулирующиеся системы со своими стандартами и правилами поведения.

Устав гражданского судопроизводства и Устав об управлении инородцев предписывали при принятии решения по многим вопросам руководствоваться общеизвестными местными обычаями. Такой подход позволял удерживать автономию развития по некоторым направлениям. Обычаи коренных народов Сибири постепенно вытеснялись правовыми нормами. Вновь вводимые правила не всегда воспринимались и использовались на местах. В XIX в. проводилась работа по анализу местных обычаев коренных народов Сибири с целью их дальнейшей систематизации и создания сборника обычаев кочевых народов. Информаторы часто выдавали российские правовые нормы за обычаи, чтобы подтвердить использование этих норм на практике.

На протяжении XIX в. у коренных народов Сибири действовали специальные суды “словесной расправы”, которые занимались судопроизводством на основе местных обычаев. В состав судов “словесной расправы”

входили наиболее авторитетные представители рода, которые выступали в качестве судей и “хранителей” обычаев. Если возникала необходимость, суд проводил следственные действия. При отсутствии обычая суд руководствовался собственными представлениями о справедливости. На практике часто возникали споры о существовании того или иного обычая.

Суды “словесной расправы” рассматривали так называемые незначительные дела. Устав об управлении инородцев определил ряд дел, которые не подлежали рассмотрению “словесной расправой”. К ним были отнесены: возмущение, преднамеренное убийство, разбой и насилие, фальшивомонетничество, похищение казенного и общественного имущества. Все остальные правонарушения рассматривались судом “словесной расправы”. Такое разграничение часто носило условный характер. Информация о преступлениях, совершенных внутри рода, на практике не сообщалась окружным органам власти.

Параграф 223 Устава об управлении инородцев определил основное назначение “словесной расправы”: “прекращение между инородцами частных несогласий и достижение примирения”. Решение суда “словесной расправы” имело полную силу, если обе стороны были довольны принятым решением, так как главная задача этого органа заключалась в том, чтобы добиться умиротворения сторон. В сложных спорных ситуациях суд обязывал стороны давать друг другу расписки о том, что “дело между собой кончили мирно, любиво и возобновлять не будут”². Суд “словесной расправы” использовал штрафные санкции, если стороны не были намерены мириться и продолжали тяжбы.

Инородцы далеко не всегда были довольны приговорами, вынесенными на основе так называемых “степных законов и обычаев”. Это подтверждается сведениями из донесений окружного начальства. Зачастую практика принятия решений на основе обычаев в корне противоречила единым обычаям, описание которых содержалось в официально собранных для кодификации сведениях. Одним из наиболее проблемных оказался вопрос о соответствии применяемых видов и мер наказаний преступлениям и проступкам. Наиболее распространенными наказаниями были: телесное наказание розгами (или лозами), количество ударов могло быть различным и устанавливалось “словесной расправой”; телесное наказание розгами и штраф; удаление в отдаленные края.

Кроме того, отмечались случаи применения и других видов наказания. В одном из ведомств Иркутской губернии недоимщикам и должникам из бурятской знати в наказание “свертывали уши на палоч-

¹ Доцент кафедры государственного права Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, кандидат юридических наук.

² ЦГАРХ. Ф. ИИ-2. Оп.1. Д. 1202. Л. 3.

ку”³. Д.Е. Лаппо кроме указанных видов наказания также выделяет: убийство воров на месте преступления (самосуд, который не осуждался); арест за уклонение от суда “словесной расправы”; штраф и отдача в работники⁴.

Штраф (или денежная компенсация) как альтернативный вид наказания фигурирует во многих источниках у различных народов⁵. Каждое правонарушение имело свою “цену”, но из-за распространенной бедности штраф часто оказывался непосильным наказанием.

Наказание могло носить “замаскированный” характер. Степные думы вели специальные книги “записи контрактов и договоров”, в которых фиксировались сведения о найме инородцев на работу или в рекруты (официально они были освобождены от рекрутской повинности). Ведение таких книг было необходимо, потому что Устав об управлении инородцев 1822 г. запрещал коренным народам отлучаться из мест кочевья на расстояние более двух дней пути. По содержанию этих книг невозможно сделать однозначного вывода о причине найма (добровольное желание или принудительная мера, гарантирующая возврат долгов). Во всех договорах о найме в рекруты присутствуют следующие условия: во-первых, плата инородцу, во-вторых, сумма задатка, в-третьих, наниматель должен был оплатить долги инородца. Договоры о найме в рекруты без уплаты долгов не встречаются, поэтому очевидно, что долги были основной причиной найма. Большинство инородцев не знали русского языка, коренное население и переселенцы проживали раздельно. Таким образом, подобный найм в рекруты или работники можно рассматривать как разновидность наказания, которое было возможно только при наличии одобрения общества, ибо налоговое бремя инородца сохранялось за родом.

В качестве особенностей определения наказания согласно обычаям сибирских народов можно выделить отсутствие четкой связи между определенным деянием и наказанием, а также неопределенность меры наказания. Применяемые наказания не всегда были связаны с правонарушениями. Например, в Иркутской губернии отмечены случаи применения меры наказания розгами для сведения счетов с инородцами, выступавшими против избрания должностного лица⁶. В Енисейской губернии наказание применялось к инородцам, обращавшимся к окружному начальству с жалобами на решения, принятые органами инородно-

го управления, в виде штрафа в пользу общества⁷ или наказания розгами⁸.

Тяжесть наказания за то или иное правонарушение зависела от содеянного, наиболее распространенными правонарушениями были конокрадство и скотокрадство, которые наказывались строже других.

Возмещение ущерба за воровство на практике осуществлялось различными способами. Можно выделить по крайней мере два варианта: во-первых, возмещался ущерб в размере, равном стоимости украденного; во-вторых, в воспитательных целях ответчик возмещал пострадавшему убытки в размере, превышающем нанесенный ущерб. Потерпевший согласно принятому решению мог: получить обратно свое имущество (или компенсацию в натуральном выражении, равную по стоимости в натуральном выражении); получить имущество в размере, превышающем стоимость похищенного имущества; остаться без возмещения ущерба, если ответчик был наказан телесно. При вынесении приговора ответчика предупреждали, что при повторном правонарушении взыскание будет более строгим.

К более строгому наказанию можно отнести отправку в “отдаленные края”. Такое наказание чаще всего применялось в отношении лиц, неоднократно совершавших правонарушение, а также за развратное поведение. Телесным наказаниям инородцев подвергали публично в воспитательных целях, поэтому в приговорах часто встречается фраза “в пример прочим”.

При рассмотрении правонарушения большое значение имела репутация человека, “преступником признавался тот, кого считало таким общество.., ныне преступником считают того, кого молва, слухи и общественное мнение признают заведомо лихим человеком”⁹. Изменить ситуацию можно было только в трех случаях: во-первых, если дело будет пересмотрено высшей инстанцией “словесной расправы”; во-вторых, при рассмотрении дела окружным судом при наличии жалобы; в-третьих, если инородец сам докажет свою невиновность (встречается редко). Наказания могло не последовать, если лицо, совершившее правонарушение, получало единодушную поддержку сородичей или если правонарушитель оказывался знатным человеком. Ярким примером может быть решение Мелецкой управы Енисейской губернии, которая отказалась выносить приговор в отношении бывшего родоначальника из-за жестокости наказания.

Религиозные верования часто расширяли перечень субъектов ответственности по степным обычаям. Например, у якутов были случаи наказания животных за преступление (смерть за убийство человека). По отношению к неодушевленным предметам также применялись меры наказания: орудие преступления закапывали в землю; ружье, давшее промах, наказывали розгами и т.д.¹⁰

³ См.: ЦГАРХ. Ф. ИИ-2. Оп. 1. Д. 124. Л. 9.

⁴ Ярилов А.А. Былое и настоящее сибирских инородцев. Юрьев, 1899. С. 62.

⁵ Лаппо Д. Указ. соч. С. 67.

⁶ См.: Материалы по обычному праву и по общественному быту якутов. Труды комиссии по изучению Якутской Автономной Советской Социалистической Республики / Д.М. Павлинов, Н.А. Виташевский, Л.Г. Левенталь и др. Т. 4. Ленинград, 1929. С. 205.

⁷ Еще раз об управлении сибирскими инородцами // Сибирь. 1884. № 52. С. 2.

⁸ См.: Лаппо Д.Е. Преступления и наказания по степному праву сибирских кочевых инородцев (Минусинские татары) // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского императорского Русского географического общества. Красноярск, 1906. С. 36–49.

⁹ См., например: Фукс С.Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата, 1981; Арсанукаева М.С. Преступление и наказание в обычном праве чеченцев и ингушей во второй половине XIX – начале XX вв. // История государства и права. 2002. № 5. С. 4–9; Памятники обычного права албанцев османского времени / Сост., автор вводного текста и комментарий. Ю.В. Иванова. М., 1994.

¹⁰ См.: Сибирь. 1884. № 52. С. 2.

Распространение христианства среди коренного населения Сибири приводило к двойственной ситуации, при которой, с одной стороны, сохранялись прежние устои и обычаи, а с другой – появлялись новые религиозные нормы. Значительный отпечаток христианство накладывало на семейные отношения. Сложности в сфере семейных отношений возникали при принятии христианства лицом, уже находящимся в браке, заключенном согласно обычаям, особенно в случае принятия православной веры замужней женщиной или если за женщину частично или полностью был уплачен калым. Для женщин принятие христианства было реальной возможностью развестись с мужем или отказаться от уже оплаченного брака, поскольку мужчины, как правило, выступали против смены веры. Крещенные женщины искали защиты и спасения в православных миссиях. Мужья и женихи в таких случаях настаивали на возвращении калыма. Некоторые мужчины также использовали принятие христианства в корыстных целях. Бедные буряты принимали крещение по несколько раз. “Окрестят его раз, оденут, обуют и сладко накормят, пойдет он в другой улус.... под другим именем объявит о желании перейти в христианство. Опять получит крест, рубаху, халат, шапку, сапоги”¹¹. В результате официальная статистика православных миссий не соответствовала действительному положению. Распространение христианства привело к уникальному сочетанию степных обычаев, христианских заповедей и сохранившихся элементов шаманизма и буддизма.

¹¹ Очерки бурятской жизни. Сборник статей о Сибири и прилежащих к ней странах / Сост. Г.К. Тюменцев. Т. 41. Томск, 1908. С. 71.

На практике очень часто население пользовалось той нормой, которая была более выгодной.

Практика применения обычаев судами “словесной расправы” получила совершенно противоположные оценки современников: от признания позитивного влияния до обоснования необходимости для блага населения отказаться от судов “словесной расправы”. Сами инородцы, несмотря на встречающееся недовольство, в целом стремились сохранить “словесную расправу”, объясняя ее особенностями уклада жизни. Представители инородцев всячески обосновывали пользу от применения “словесной расправы” и степных обычаев. Местные чиновники также выступали за сохранение этих институтов. В одном из документов говорилось: “отменить обычную расправу в настоящее время не представляется возможным... Ввести порядок управления в кочующем народе можно будет только в то время, когда в народе том воцарится образование и мало-помалу исчезнут из их нравов степная огрубелость, утратятся и изменятся обычаи”¹².

Россия имеет богатый исторический опыт санкционирования обычаев. На протяжении всего XIX в. основным регулятором оставались обычаи, в которых продолжали сохраняться “жестокость и неопределенность”, в результате чего решения “словесной расправы” зачастую носили субъективный характер. Однако в целом ее основной функцией было примирение сторон всеми возможными способами. Неопределенность обычаев и параллельное действие различных норм позволяли принимать решения с учетом ситуации.

¹² ЦГАРХ. Ф. ИИ-2. Оп.1. Д. 1202. Л. 3.